

розвитку особистості, але й до прогресивного розвитку людства взагалі. Відмова від універсальної світоглядної орієнтації є результатом вільного особистісного вибору [2, 71].

Студентська мелодія має безліч власних проблем, з якими стикається щодня: низький прожитковий мінімум, матеріальна залежність від батьків, відсутність життєвого і професійного досвіду, проблеми молоді сім'ї, наркоманія і т.ін. Але існують ще проблеми, які потребують також пильної уваги і є на сьогоднішній день проблемами студентської молоді :

1. адаптація в суспільстві,
2. недовіра до ділових якостей молоді людини,
3. відсутність серйозного відношення до молоді, зокрема студентської, як до сили, здатної щось змінити в суспільстві. Це зовсім не стиmuлює бажання реалізувати соціальну творчість.

Необхідно негайно змінити відношення до студентської молоді, якщо ми хочемо взагалі якихось прогресивних змін.

Таким чином, перспективними шляхами розвитку і реалізації соціальної творчості повинні бути:

1. в навчальному процесі створення умов для розвитку активної життєвої позиції засобами полеміки,
2. надавати більше уваги для професійного росту студентської молоді, створюючи консультативні центри,
3. дати можливість самій молоді приймати рішення в реалізації державної молодіжної політики.

Якщо держава дійсно зацікавлена в розвитку і реалізації соціальної творчості молоді, то вона повинна не залишати її наодинці із своїми проблемами, а негайно вирішувати їх, адже молоді люди вже готові до більш серйозних державних справ.

Література:

1. Біляцький С., Ярова Н. Міфи та реальність державотворення // Наука і суспільство. – 2005, № 5 - 6, С. 2 - 5.
2. Кривега Л.Д. Особливості сучасної методології пізнання соціальних явищ // Методологія соціального пізнання: здобутки і проблеми. Матеріали Всеукраїнської науково – теоретичної конференції, Запоріжжя, 2005, 25 травня. - С. 70 – 74.

*Сливинская А. Ф. – канд. филос. н.
(Киев, КНУКиМ)*

Малько В. А.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Отдельность моего «Я» от моей жизни, жизни общества – болезненная иллюзия сознания. Каждое единичное лицо есть только средоточие

бесконечного множества взаимоотношений с другим и другими, и отделять его от отношений – значит отнимать у него всякое действительное содержание жизни, превращать личность в пустую возможность существования.

Личность преодолевает онтологическую с миром, с самим собой через единение с миром человеческим, человечеством и богочеловеческим, церковью, где каждый должен иметь в общественном целом не внешнюю границу, а внутреннюю полноту своей свободы. Осознание и принятие человеком связанности с миром, человечеством, выступает в качестве «кафоличности» (этимология слова: по целому, сообразно целому). Стремление к самообладанию, понимание самодостаточности, неудовлетворенности собой находит разрешение в сознании связи с целым. Возможность кафоличности сознания основывается на свойстве человеческого сознания заключать в себе все имеющие для него действительное, положительное, хотя и идеальное бытие как норму его деятельности. Сознание выступает само по себе, как идеальная форма Всеединства. Быть для себя в своем сознании – быть бесконечным в себе, в своем сознании. Это «Я» есть все(через отличие от всего), т. е. является индивидуальностью, которую В. Соловьев называет идеей как выражение особенности человека. Идеи Платона суть прежде всего общие родовые представления, исключаящие из себя все индивидуальное; напротив, идеи в понимании Соловьева по существу индивидуальны. Он поясняет сущность идеи указанием на внутренний характер человеческой личности. Если предметная идея отличается от всех прочих идей, ее субъект должен иметь собственную особую действительность, быть центром для себя, должен, следовательно, обладать самосознанием и личностью, не существовали бы для себя, они были бы только представлениями другого существа, а не действительными сущностями.

Индивидуальность (идея) человека связана с другими индивидами, которые вступают в отрицательное единство, выражающееся на уровне внешних отношений, где в силу особенности, каждый становится непроницаемой границей для другого; и в положительное единство – на уровне внутренних отношений, как вбирания содержания жизни другого. Когда человек утверждает себя вне всего, как не все, тогда особенное (его идея) делает его непроницаемым, утверждая себя вне другого, человек становится пустой формой. Мое утверждение, моя собственная истина достижима через преодоление собственных границ, переход в другое идеально может реализоваться в отношении, выражающемся к другому, другим, в этом – спасение человеком своей индивидуальности.

Смысл жизни отдельный может быть понят только через смысл жизни всемирный, самосознание человека возможно лишь через сознание себя как целого (принцип дополнительности). Человек должен отказаться

от своей самодельной правды во имя вселенной истины. «Обладание истиной. . . не может быть только вселенской». (В.С. Соловьев. Критика отвлеченных начал).

Отдельная человеческая жизнь и жизнь человечества и есть реализация мировой задачи, которая формируется Соловьевым: «. . . в полном сознании и затем духовном усвоении. . . солидарности со стороны всех и каждого, в ее превращении из метафизической и физической только в нравственно-метафизическую и нравственно физическую» (Вл. Соловьев. Оправдание добра). Кафоличность (как нравственная солидарность) здесь действительно осуществляется как дело, как положительная свобода.

*Сломский Войцех С. – prof. dr hab.
(Варшава, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Warszawie)*

ФИЛОСОФИЯ В ЖИЗНИ

Интерес к философским проблемам наряду с интересом к философии как к академической дисциплине, а также неизбежное разочарование ею, возникают из потребности нахождения ответа на вопросы гораздо более глубокие, с точки зрения индивида, нежели те, над решением которых работают философы. Эти вопросы относятся к одной из самых фундаментальных проблем – смыслу жизни, а то, что она вообще возникает, свидетельствует о серьезном дефиците этого смысла. Конечно, философия как академическая дисциплина не может дать ответа на вопрос о смысле жизни, хотя для немногих она сама может стать этим смыслом. Но мы можем говорить о своей компетентности, а также о её пределах, не ожидая, пока нас об этом спросят напрямую.

Интерес к философским проблемам, переходящий в интерес к философии как научной дисциплине профессиональных философов, приводит, скорее к трудностям, являющимся результатом убеждений в том, что философия является, как это утверждает Хабермас, частью "научной культуры экспертов". В научно-технической культуре философия не может быть альтернативой науке, а для того, чтобы ею не быть, она сама должна отвечать научным требованиям, что опять таки превращает ее в дело экспертов. Кроме того, философия как профессия постоянно пользуется высоким общественным авторитетом, а в обыденном представлении функционирует как синоним чего-то особо абстрактного, трудного и доступного лишь немногим избранным. Этот стереотип создает дополнительные трудности философам в их поисках языка, который был бы понятен не только философам. С другой стороны, нет сомнения в том, что определенные элементы наработок "научной культуры экспертов", особенно элементы философии, раньше или позже доходят до "широкой общественности" и проявляются в растущем интересе к философии. Поэтому преувеличением было бы говорить об отсутствии связей между академи-